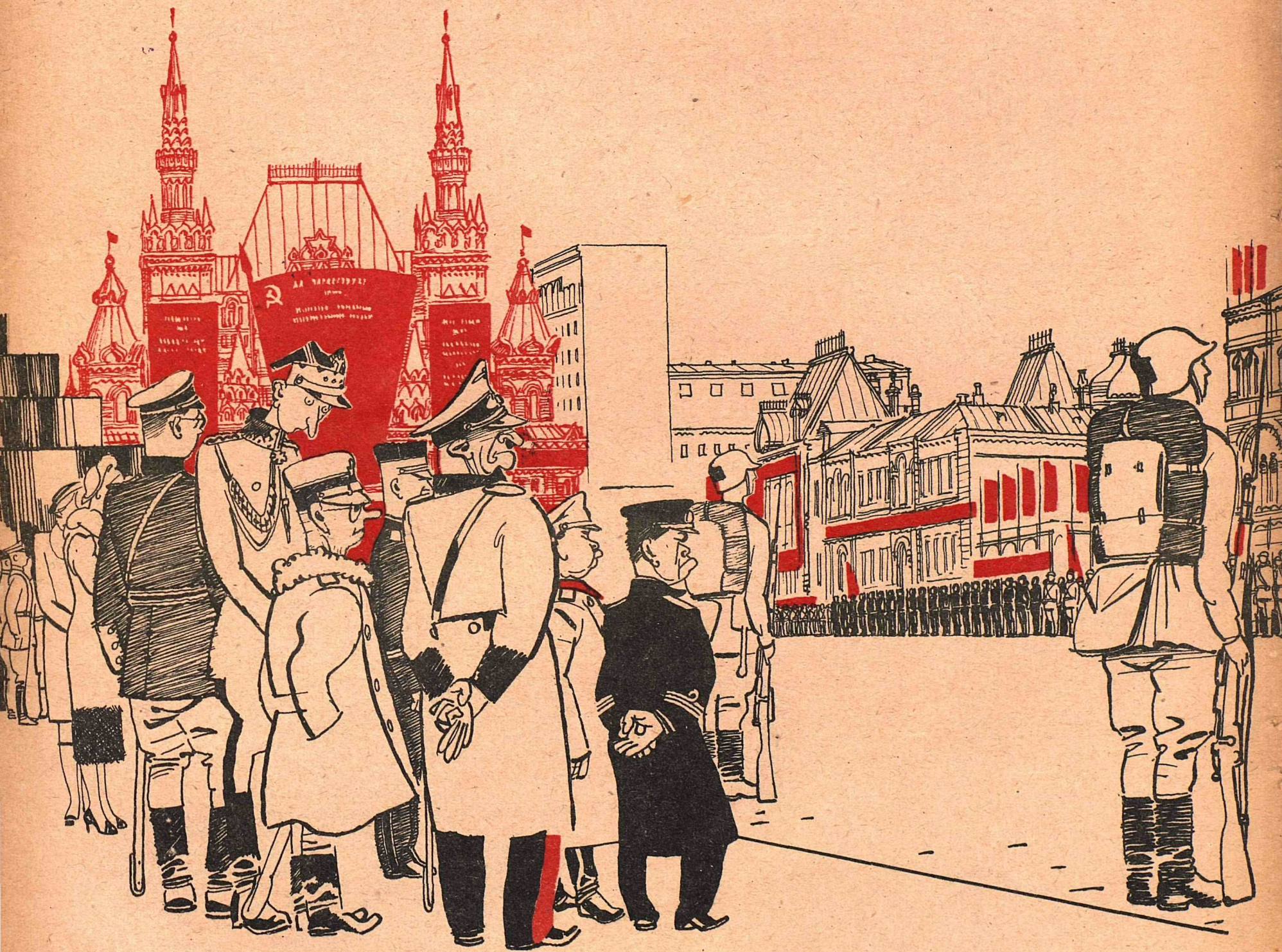

К Р О К О Д И Л

ГОД ИЗДАНИЯ Х. V I I

К 556/38 г.

К. Р.

Рис. К. Ротова

ВО ВРЕМЯ ТОРЖЕСТВЕННОГО ОБЕЩАНИЯ

— Беда не в том, что они обещают, а в том, что они выполняют свое обещание...

Рис. Кукрыниксы

Наглядное пособие

В старом, слегка пожелтевшем журнале,
Я отыскал фотографию — группу:
Четверо разных людей восседали
В креслах огромных солидно и глупо.

Первый — курносый и грузный попище.
Очи — горé, как икона в киоте, —
Видно от постной монашеской пищи
Вздудло горою под рясой животик.
Памятник скудных мирских подношений
Грудь украшает служителя храма:
Толстая цепь, как тяжелый ошейник,
Крест золотой в полтора килограмма.

Взором свинцовым на зрителя глядя,
Твердо расставив бутылки сапог,
Рядом уселся свирепейший дядя —
Боров — не боров, бульдог — не бульдог.
Взор говорит: «А вы кукиш видали?»
Лапы как будто собрались душить,
Пикой — усы, на поддевке — медали —
Видно их дали за кротость души.

Третий — по виду болтливый доцентик
С личиком старой, блудливой мартышки,
Вскинув пенсне на длиннейшей ленте,
Что-то как будто записывал в книжке.
Всем существом показать он старался:
Я, мол, сижу здесь и зря и некстати.
Правою ручкой он все ж опирался
На подлокотник массивного бати.

Скромно сидел бородатый четвертый,
Словно некрасовский дядюшка Влас,

Тихо светясь, как полтинник потертый,
Мутно-шакальей улыбкою глаз.
Я, мол, порядка никак не нарушу,
Пойте, а я буду вам подпевать.
Все мы споемся за милую душу,
Лишь не мешайте других раздевать.

Под фотографией подпись была там
Крупным и жирным красивым курсивом:
— *Гордость Российской земли — депутаты
Государственной думы четвертого созыва.*

Злей самой едкой карикатуры
Выглядит нынче этот портрет —
Эти четыре бывших фигуры
Думских «избранников» прошлых лет.
Взглянешь — и вспомнишь свинцовые годы,
Треск пулеметов и лживых речей,
Когда по законам царской «свободы»
Могли избирать... палачи — палачей...
Взглянешь — и вспомнишь, что живы обломки
Вражеских гнезд и гнилых крепостей.
Разве фашист и шпион — не потомки
Этой четверки бывших людей?
Снимок старинный возьми, агитатор,
В дальний архив не сдавай пока:
Четыре портрета былых «депутатов» —
Это четыре лица врага.
Шакальи глаза и звериные пасти
Своим избирателям ты покажи,
Чтоб крепче они оценили счастье
В Советской стране работать и жить.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Людоед

В этом году у нас в доме состоялся товарищеский суд. Судили одного квартиранта Ф. за его хулиганский поступок.

Дело в том, что у нас огромный дом, с населением свыше тысячи жильцов. И наш дом имеет свою стенную газету под названием «За жабры».

Так вот этот квартирант Ф., прочитав там однажды стихи про себя, пришел в бешенство и с криком «Всех перестреляю!» сорвал эту газету.

Кроме того он дернул за волосы двенадцатилетнего парнишку — сына редактора газеты. И вдобавок с воплем «Я тебе голову сорву!» погнался за поэтом, автором этих стихов.

Факт, конечно, печальный, недостойный нашей современности.

А надо сказать, что наша газета раньше не пользовалась успехом среди жильцов. На нее мало обращали внимания, поскольку, кроме редактора, никто не затруднял себя чтением этого печатного органа.

Но потом решено было повысить уровень этой газеты. И было решено привлечь к работе одного поэта-сатирика, живущего в соседнем доме.

Тот долго отказывался, но потом сказал:

— Я за деньгами не гонюсь. Но я люблю работать «на интерес». Это меня стимулирует. Положите мне за строчку хотя бы по гривеннику, и тогда я не только подыму вам газету, но прямо из нее устрою кипящий котел, в котором, не жалея себя, буду варить всех ваших жильцов, так что они, как говорится, света божьего не взвидят. И тогда я ручаюсь за успех: толпа будет стоять около вашей стенной газеты.

Сначала этот поэт-сатирик описывал убожество лестниц и недочеты помойной ямы, но когда ему повысили гонорар до 30 копеек за строчку, он перешел на людей и в короткое время отхлестал своими стихами почти всех жильцов, включая дам и детей.

После этого он, не встречая сопротивления, пошел, как говорится, делать второй круг по тем же людям, с каждым разом заостряя свою сатиру все больше и круче.

Наконец, он поместил стихи против квартиранта Ф., который, как мы говорили, пришел в бешенство, натворил чорт знает что и теперь предстал перед судом.

Разорванная стенная газета была склеена. И стихи были оглашены на суде. Вот эти стихи:

«К подлецу Ф.

Квартплату в срок не вносит,
Говорит, что денег нет.
А замшевую кепку носит
Сей обнаглевший наш брюнет.
И барышень в такси катает —
На это у него хватает.

* * *

Дрова он колет на полу,
Топор вонзается в паркет.
Ударим мы его по лбу,
Чтоб сей зазнавшийся брюнет
Не мог вредить у нас в дому».

Вот эти стихи и вызвали припадок бешенства жильца Ф. На суде квартирант Ф. сказал:

— В этом стихотворении имеется только одна строчка правды, в которой говорится, что я ношу замшевую кепку. Все остальное — суть наглая ложь. Квартплату я вношу аккуратно и только один месяц просрочил по случаю беременности моей жены. Что касается такси, то это я вез мою жену на консультацию в родильный дом. Насчет же того, что я дрова колю на полу, — это есть чистая выдумка. Пол, действительно, у меня порублен, но это в голодные годы прежний жилец колол тут дрова. А сейчас у нас есть дворник, который и может подтвердить, что все дрова он мне колет во дворе. Все это вместе взятое вызвало у меня затемнение рас-судка, и я совершил поступки, недостойные советского гражданина.

Председатель товарищеского суда говорит:

— Как это, право, нехорошо у вас получилось. Вы бы вместо того, чтобы рвать печатный орган, взяли бы и заявили в редакцию: дескать, вот какой на вас поклеп. А вы вместо этого даете волю своим рукам: рвете газету и дерете за вихры ни в чем неповинного мальчика двенадцати лет, сына редактора газеты. Как это некультурно у вас получилось. Мне прямо совестно за вас.

Квартирант Ф. говорит:

— За этот мой последний поступок я согласен покраснеть. Но видите в чем дело. Когда я пришел к редактору и стал просить его поместить опровержение, он мне так сказал: «Я теперь сам вижу, что про тебя стишки неверные. Но ты как-нибудь эту обиду переживи в своей душе. Я опровержение печатать не буду, поскольку это уронит авторитет моей газеты. Вот, скажут, враньем занимают, а потом дают обратный ход. Ты есть частное лицо, а мы общественный орган. Мы важнее, чем ты. Проглоти обиду и не подымай шуму». И тогда я ни с чем уйду от этого редактора, а тут его мальчишка еще мне вслед кричит: «Барышень в такси катает, на это у него хватает». Тут маленько я и потрепал его за вихры. Очень извиняюсь.

Председатель говорит редактору:

— Как это, право, нехорошо с вашей стороны не поместить опровержения. Смотрите, до чего вы довели этого квартиранта своей сатирой. Смотрите: он до сих пор весь дрожит.

Редактор говорит:

— Теперь я сам вижу, что я не доглядел за своим сатириком-людоедом. С тех пор как мы увеличили ему гонорар, он как с ума сошел. Он согласен своего брата в луже утопить. Я обещаю снова сбавить ему гонорар до 10 копеек за строчку, а то он тут весь дом по ветру пустит.

Председатель говорит:

— Сбавлять не надо, а вы должны с позором выгнать его из газеты, поскольку в газете должны работать только исключительно кристально честные люди. Мы теперь наглядно видим, что один мелкий арап может не только расстроить всех жильцов: он может всех перессорить и всех обозлить... Его мало выгнать, его надо под суд отдать, что я непременно и сделаю. А что касается квартиранта Ф., то его поступок в высшей степени неправильный. Он должен был обжаловать клевету, но он пустился на свою расправу, за что мы при-суждаем его к общественному порицанию и условно к шести месяцам общественных работ.

На этом заседание суда кончилось.

Через две недели вышла новая газета с опровержением и с указанием, что поэт-сатирик освобожден от работы.

МИХ. ЗОЩЕНКО

СВОЯ НОША НЕ ТЯНЕТ

Рис. А. Радакова

— Тебе, детка, тяжело такую большую звезду нести. Дай, я понесу.
— Ишь, ты, какая! Ты лучше меня понеси, а я — звезду!

На прицепе

— Садись, «освобожденные народы»! — крикнул шофер.

«Освобожденные народы», толкаясь, полезли в грузовик. И сразу же выяснилось, что ехать нельзя: Вася Кучеров, белообрисенный курносый юноша, изображавший кавказского горца, потерял кинжал.

Он стоял на тротуаре в длинной до пят, шикарной черкеске с серебряными газырями и растерянно ощупывал карманы, как будто искал не полуметровый кинжал, а кошелек.

Его ругали дружно и ядовито:

— Тоже, горец называется! Ты вспомни, где ты его вынимал из ножен последний раз?

— В клубе я его вынимал, — бормотал горец, — карандаш чинил. Потом мы с Колькой Куницыным в буфет пошли... Буфетчик, язва, у меня его брал, пробовал колбасу резать... Ребята, я его, наверное, там, в буфете забыл. Обождите, я — мигом!..

— Скорей беги, разиня! Тебя бы самого на колбасу!.. Стой!.. А где же Колька Куницын?

Стали искать Кольку Куницына. Среди представителей «проклятого прошлого», которые разместились на прицепной платформе, его не оказалось. Как в воду канул!..

Руководитель карнавала, солидный Петр Степанович, одетый в узбекский полосатый халат и тюбетейку, разволновался:

— Всегда так!.. Еще опоздаем из-за него!.. Вася, ты в буфете с ним был?

— С ним, Петр Степанович.

— Что он там делал?

— Висел!..

— Как висел? Что ты городишь?

— Висел у пояса, Петр Степанович. А потом буфетчик увидел меня и говорит: «Меня, говорит, точильщик подвел. Дай, говорит, твое холодное оружие на минутку, любительскую настрогать! А я...»

— Я не про кинжал тебя спрашиваю, а про Кольку. Колька где был?

— Тут же вертелся.

— Он одетый был?

— Одетый. В рясе, с крестом, все как следует. Я побегу его поищу, Петр Степанович!

— Без «попа» не возвращайся!.. Не можем мы без «попа» выехать! «Мулла», «раввин» и «ксендз» налицо, а «попа» — нет. Это же срам!.. Нам недооценку попа припишут!..

Прошло пятнадцать томительных минут. Наконец, в дверях клуба появились «горец» и «поп». «Горец» тащил «попа» за рукав рясы, грозно потрясая обнаженным кинжалом, на бле-

стящем лезвии которого темнела присохшая колбасная ко- жура.

Три мая подряд Коля Куницын покорно был «попом». А на четвертом взбунтовался. Была к этому и тайная причина. Как «поп» он обязан был ехать на прицепе, в обществе «генералов», «фашистов» и «фабрикантов», а Оля Кучкина — веселая черноглазая «Украина», в монистах и лентах, нарядная, как радуга, — сидела в грузовике на стуле среди других «освобожденных народов».

— О твоём поведении поставлю вопрос, где надо, — грозно сказал Петр Степанович бедному «попу». — Марш сейчас же на прицепку. И запомни: когда «освобожденные народы» будут плясать и петь, вы там, на прицепке, должны изображать мрачное отчаяние. Понял?!

— Понял, — с мрачным отчаянием ответил Коля Куницын. — Я сам на вас жаловаться буду, Петр Степанович: шутка сказать, четвертый май «попом»!

— Ладно, ладно. А кадило где твое?

— «Раввину» отдал. Сень, кадило у тебя?

— У меня, — сказал «раввин» и показал кадельницу. — Садись скорей.

Навстречу им медленно плыли дома, разукрашенные плакатами и кумачевыми лентами, не хуже чем Оля Кучкина. Грузовик с ряжеными тихо катился по нарядным первомайским улицам.

Вот и остановка. Карнавал на колесах плотным кольцом окружили демонстранты. Петр Степанович подал знак. Белообрисый «горец» доотказу растянул баян. «Украина» первая открыла пляску. К ней присоединилась дородная «РСФСР», худенькая живая «Белоруссия», потом не выдержал сам «Узбекистан» — Петр Степанович. И пошло, и пошло!..

На прицепе, как было задумано, представители «проклятого прошлого» изображали мрачное отчаяние, т. е. сидели опустив головы и обменивались вялыми репликами.

— Лидка здорово пляшет.

— Ольга лучше. Сень, встань, ты на мою кадельницу уселся!

— Эх ребята, нам бы тоже сейчас ударить. Чечоточку.

— Нам нельзя. Мы мрачное отчаяние!

— К чорту! — вдруг сказал Коля Куницын. — Мы что, собаки?! На себя вину беру! Сень, ты баян захватил?

— Захватил. Вот он!

— Дай-ка раз.

— Нельзя!

— Дай тихонько. Прошу тебя!

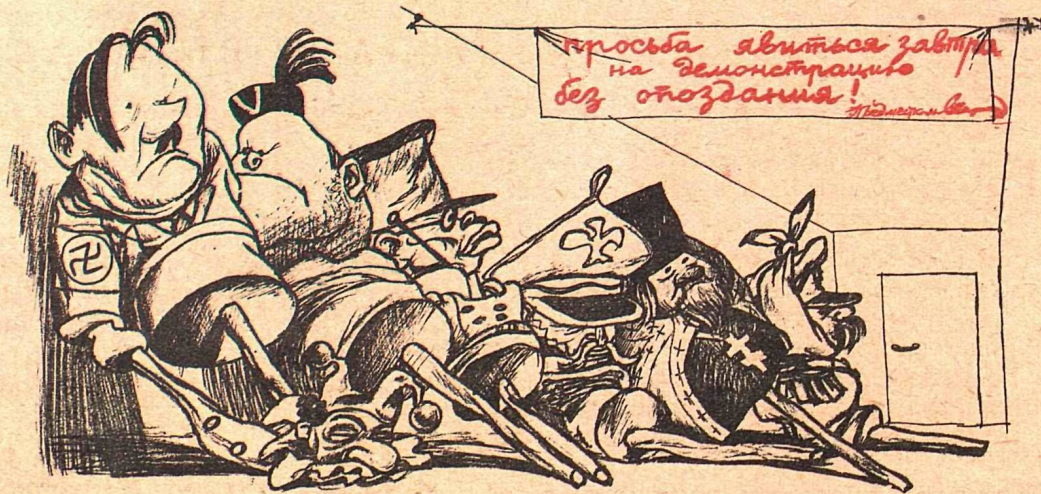

Рис. М. Черемных

Рис. Бор. Ефимова

СТАРАЯ СКАЗКА НА НОВЫЙ ЛАД

ЛИГА НАЦИЙ (в окне):—Где здесь член Лиги наций—Австрия?
ГОЛОС ИЗ ВОЛКА:—Я здесь...

«Раввин» подумал и взял в руки баян.

Коля Куницын подобрал рясу, заткнул полы за пояс, махнул крестом и стал лихо выбивать чечотку.

Через минуту к нему присоединился «мулла». Потом не выдержал «ксендз». Бородатый осанистый «генерал» крепился дольше всех, а потом махнул рукой и пошел вприсядку. Жирные эполеты били его по плечам, багровая наклейка упала с носа.

Истомившаяся по настоящему веселью прицепка ухала, гикала и стучала каблуками как бешеная.

Петр Степанович махал с грузовика руками, что-то кри-

чал, но его никто не слушал. Прекратив пляску, «освобожденные народы», смеясь, аплодировали «проклятому прошлому».

Оля Кучкина — черноглазая «Украина» — старалась больше всех.

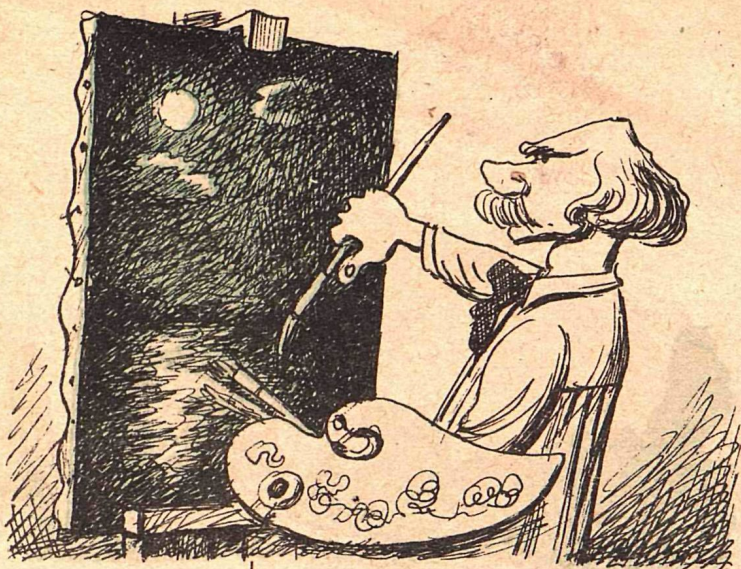
— Браво, поп!—кричала она.—Браво, Коля! Бис!

Она сделала ему знак рукой.

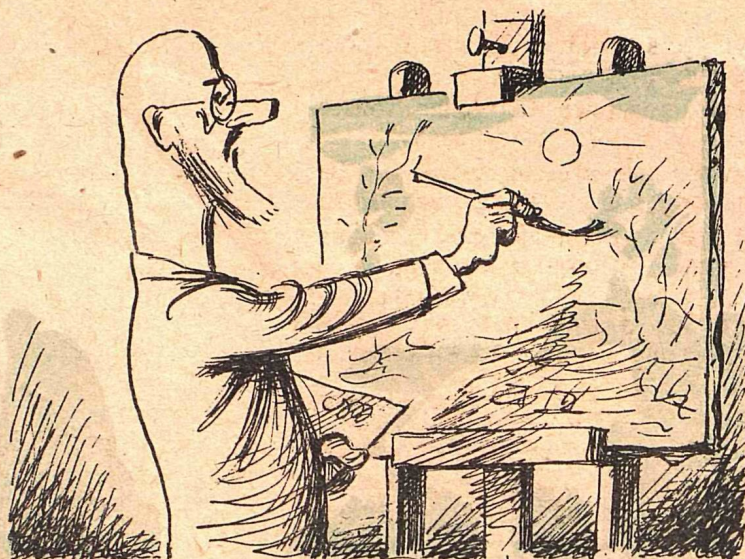
Коля Куницын сорвал с себя бархатную облезлую скуфейку и, выкинув совсем уж невероятное коленце, галантно отсалютовал девушке.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

...И вот художник с усами написал лунный пейзаж...

...а художник с бородою создал на полотне прелестное весеннее утро...

(Смотри в низ страницы,

Царицы бала

Первомайская комиссия заседала четвертый час кряду. Уже решили, что пуш-больный мяч, на всех праздниках традиционно представлявший земной шар, и теперь возглавит демонстрацию.

— Только с иным смысловым заданием;— многозначительно сказал председатель фабричного комитета товарищ Дюндин.

В связи с этим художники ушли подновить полинявшую Африку, а комиссия осталась дорабатывать вопрос.

Кто достоин стоять на Северном полюсе, высоко держа знамя фабрики? Почетное право оспаривали две лучшие бригады «Галприбора»; каждая выставила свою претендентку на высокий пост: Марусю Федорову, отличницу всех видов учебы, или чемпионку фабрики по конькам—Паню Медведеву? Бригада Астафьева или Картузина?

Разгорелся спор. Для консультации

вызвали физкультурников, которым предстояло нести планету на плечах. В полном составе явились и обе бригады.

— Федорова прошлым маем на земле стояла?— начал бригадир Женя Картузин.— Стояла! Теперь опять? Нет, теперь уже очередь нашей бригады...

— А кого в ноябре на манометре носили? Не вашу Паню?— вступил Астафьев.

— В ноябре сам носись, пожалуйста,— удивил тоже!— вознегодовала Паня.— Очень приятно в трусах и носочках в такую погоду...

Товарищ Дюндин развел руками:

— Станный подход! Причем носочки? У товарища Федоровой отличные показатели, и фабком должен учесть.

— Очень мило слышать!— перебила Паня.— Я сколько лично готовилась, я туфли купила, выходит, модельным туфлям пропадать?

— Может, Иван Никодимыч, голосованием провернем?— сказал профсборщик из шестого цеха.

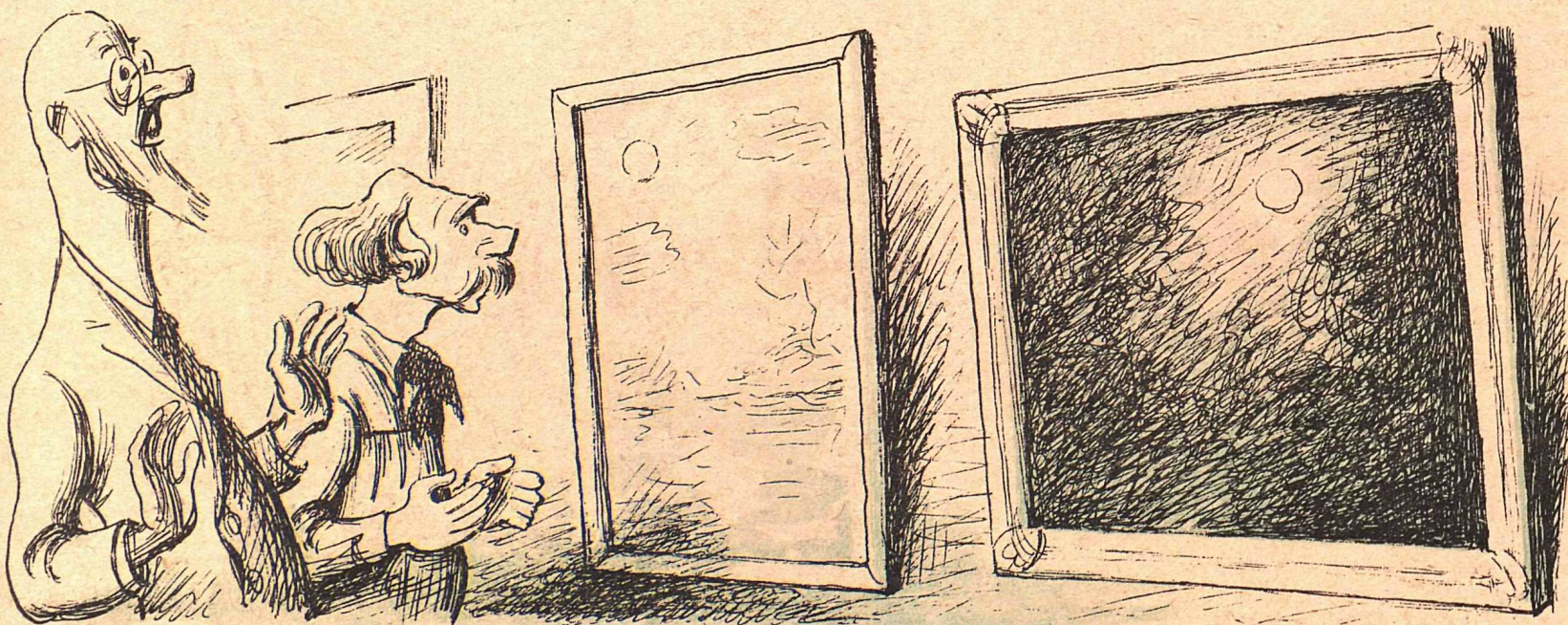
— Голосованием?— возмутились астафьевцы.— Она специально худела, так ее голосовать, а кто лучшие отличники, тех, значит, в сторону?

— Лишаю слова!— закричал Дюндин.— Пусть решают низовые работники пирамиды — те, кто понесет. Говори, ребята!

— Ясно, Паня полегче будет,— неопределенно ответил один из низовых работников.

— У них одна компания,— заявили тогда астафьевцы,— это несознательный подход, если...

— Самый сознательный, самый сознательный, чтоб вы знали! Воображаю,— запальчиво продолжала Медведева,— на Красную площадь явимся в мыле...

...Но качество краски взяло свое: лунный пейзаж выцвел и превратился в пейзаж утренний, а весеннее утро потухло и стало ночным ландшафтом.

— Ну, уж в «мысле»! Да мы... — обиделись физкультурники.

— Ладно, товарищ Картузин. Пойдет ваша Паня у самого Чемберлена.

— Ужасно удивительно слышать! За Чемберленом и вовсе с трибун не видно...

— Ей главное беспокойство, чтобы на первые туры вечером пригласили, а я этот шар, можно сказать, завоевала, — вдруг вступила в спор Маруся Федорова. — Подумаешь, царица бал-маскарада... Тут тебе не каток!

— Просто странно слышать...

— Товарищи, — сказал профсборщик из шестого цеха, — я даже не понимаю. Люди целую мертвую сцену из «Ревизора» на руках выносят при полном рекевизите, а у нас...

— Закрываю прения! — закричал Дюндин. — Пусть решает инженерно-техническая мысль. С точки зрения производственных факторов, сопротивления материалов и общего вида. Передаю в бюро ИТС. Все!

Первого мая во главе фабричной колонны двигались три грузовика. На большой широкой платформе, перекрывавшей все машины, одиннадцать юношей и одиннадцать девушек в ярких национальных костюмах вели веселый хоровод.

Когда автомобили в'ехали на Красную площадь, одиннадцать юношей бережно подняли на плечи одиннадцать девушек. Машины поровнялись с мавзолеем, и на верху пирамиды взвилось алое знамя. Паня Медведева и Маруся Федорова, стоя на земном шаре, над большой темно-коричневой Африкой, одной рукой крепко держали знамя, а другой — сыпали на пирамиду, составленную из человеческих тел, дождь первых весенних цветов.

По бокам громадного моргающего Чемберлена вышагивали Астафьев и Картузин. Астафьев пристально смотрел на Марусю, Картузин не спускал глаз с Пани.

— Видишь, бригадир, как держится? Орел девчонка!

— Ну, — убежденно ответил Картузину Астафьев. — А ты говорил...

— Царицы бала!

Трибуны аплодировали.

В. ИОРДАНСКИЙ

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

— Администрация от работы отвливает, отльнивает или, по-русски сказать, манкирует.

С. Маршак

НА СОБРАНИИ

— У меня правило называть все собственными именами, за исключением, конечно, собственных имен!

М. Коссовский

Шарж В. Горьева

В. В. ЕНЮТИНА,

молодая актриса московского театра революции, исполнительница роли Лауренсии — главной роли в пьесе Лопе де Вега „Фуэнте Овехуна“.

Ее смотрят в театре, похвал не жалея.

Зритель доволен. А мы — тем более.

Даем портрет не по поводу семидесятипятого юбилея, А по случаю первой роли!

Шарж Л. Сойфертиса

Герой Советского Союза М. В. Водопьянов. Он же депутат Верховного Совета СССР. Сперва написал пьесу „Мечта“ о завоевании Северного полюса советскими летчиками, а потом, действительно, принял участие в экспедиции на Северный полюс.

Ах, если бы другие драматурги вели себя так же и пробовали лично выполнить все то, чем они нагружают своих героев. Как бы уменьшилось число неправдоподобных и лакированных пьес!

Басня на службе халтурщика

или

опыт подражания некоторым газетным образцам

В САМУЮ ПОСЛЕДнюю МИНУТУ

Телеграмма из Мадеполамска от собственного корреспондента: «Одной местных библиотек вашим корреспондентом обнаружена лично ему неизвестная книга некоего Ивана Андреевича Крылова каковой имеется двести лишним басен переключаящихся современностью тчк Особенно поражает волнует покоряет басня названием квчк Осел и соловей квчк тчк Передаю основное содержание двтчк квчк Осел увидел соловья зпт и говорит ему двтчк квчк Послушай ка дружнице восклицательный Ты зпт сказывают зпт петь великий мастерице тчк Хотел бы очень я сам посудить зпт твое услышав пенье зпт велико ль подлинно твое уменьше вопросительный квчк тчк Тут соловей являть свое искусство стал двтчк защелкал.

В дальнейшем соловей остановился на переливании на тысячу ладов зпт отдавался свирелью зпт мелкой дробью и прочее тчк Тепло встреченный ветерками зпт хорами птичек зпт стадами зпт пастухом и др соловей скончал тчк Резким диссонансом прозвучало лишь выступление осла зпт заявившего зпт что Соловей якобы должен повысить свою квалификацию в учебе у Петуха тчк».

УСПЕШНЫЙ КОНЦЕРТ

Мадеполамск. ТАСС. 27 апреля. Третьего дня в Мадеполамске состоялся концерт Соловья. На концерте присутствовали пастух, пастушка, объединенный хор птичек и др. Концерт прошел с большим материальным и художественным успехом. Как сообщают в местных музыкальных кругах, Соловей вылетел на гастроли за тридевять полей.

ХОРОШО!

(Художественный очерк)

И лужайка под вековым крыжовником переливалась как драгоценный изумрудный ковер. И вдалеке колосилась нежная поросль чего-то. И там и сям чирикали ласточки, синицы, кукушки, зяблики, малиновки, вишневки, запеканки и другие птички.

— И как хорошо! — сказал я старому чабану Федотычу, высунувшись из тарантаса.

И старый чабан важно улыбнулся и поманил меня из тарантаса.

И мы уселись с Федотычем под тенистой листвой крыжовника, помнившего еще времена Шамиля, и Федотыч рассказал мне очаровательную по своей свежести и мудрости старинную легенду об осле и соловье.

— И это было тогда, — начал старый чабан, — это было тогда, когда ослы были еще судьями в делах высокого искусства песни. И жил тогда соловей, который был богат только песнями и несказанным своим мастерством. И он пропел ослу лучшую из своих чудесных песен. И осел не понял всей красоты ее...

И вдруг чабан замолк. И он поднял голову туда, высоко, к вершине крыжовника.

— И видишь? — спросил он.

— И вижу, — сказал я, задыхаясь от счастья. — И вижу: это соловей...

— И держи карман шире! Не соловей, а туча! — сказал чабан. — И сейчас грянет гроза.

И мы сели в тарантас, и пара добрых коней и быстро помчала нас до станции, и где я сел писать вышеприведенный художественный очерк.

Июнь.

В ГОСТЯХ У СОЛОВЬЯ

В беседе с нашим сотрудником местный Соловей заявил следующее:

— Безобразное, клеветническое выступление Осла ни в какой степени не повлияло на мое самочувствие. Не успокаиваясь на достигнутом, я тщательно работаю над собой, разучивая вторую тысячу ладов, и уже включил в свой репертуар чрезвычайно мелодичные песни зяблика. Одновременно под моим художественным руководством организуется межрайонный коллектив хоровой птичьей песни. По предложению студии Союзбездетфильм, я пишу вместе с кинодраматургом Трувором Леонтьевым сценарий, в котором, по мере возможности, извратил и приспособил для экранизации мою песню «Колокольчик». Условное название фильма — «Жизнь соловьев прежде, третьего дня и завтра вечером». На время работы над сценарием, партию Соловья в роцках нашего района будет исполнять растущий товарищ Щегленок.

СОЛОВЕЙ-ПТИЧЕЧКА

(Доходная полубатарейская песня)

Ожил бедняга в больнице военной,
Мало родимый страдал.
И, поправляясь там постепенно,
Песнь соловья услышал.

Припев:

Соловей, соловей-птичечка,
В Облреперткоме д-жалобно поет.
Эх, раз, эх, два,
Скоро не беда,
В Облреперткоме песенка пройдет.

Не время, девицы, теперь нам жениться.
Пусть кровь не волнует любовь.
Я вижу зарницы на дальней границе,
Исходя из чего я суров.

Припев:

Соловей, соловей-птичечка,
В Облреперткоме д-жалобно поет

и т. д.

И вот я стреляю, и вот я рубаю,
Я преодолею напор.
Пусть пушки грохочут, пусть недруги хочут,
Я дам им тот самый отпор.

Припев:

Соловей, соловей-птичечка,
В Облреперткоме д-жалобно поет

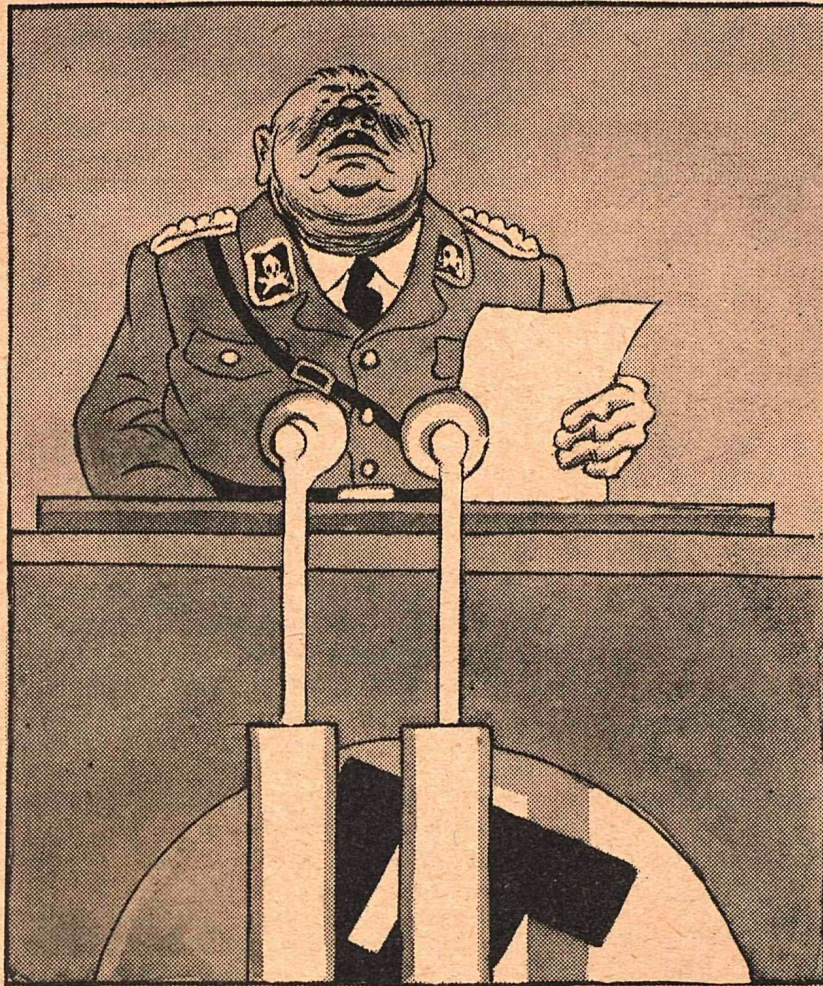
и т. д.

Л. ЛАГИН

ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ

Рис. Бор. Ефимова

Генерал выступил с заявлением о самых мирных намерениях.

Министр выступил с заявлением о полной искренности.

Полковник выступил с заявлением о добрососедских отношениях.

Учтя эти заявления, молодой рабочий Иван Мекешин также выступил со своим заявлением.

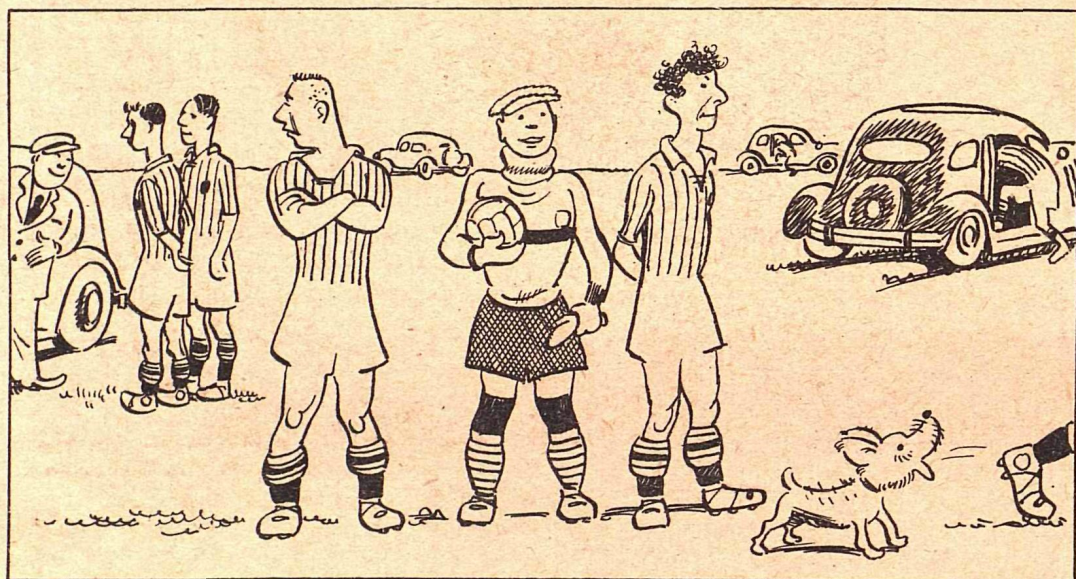

Рис. Ю. Ганфа

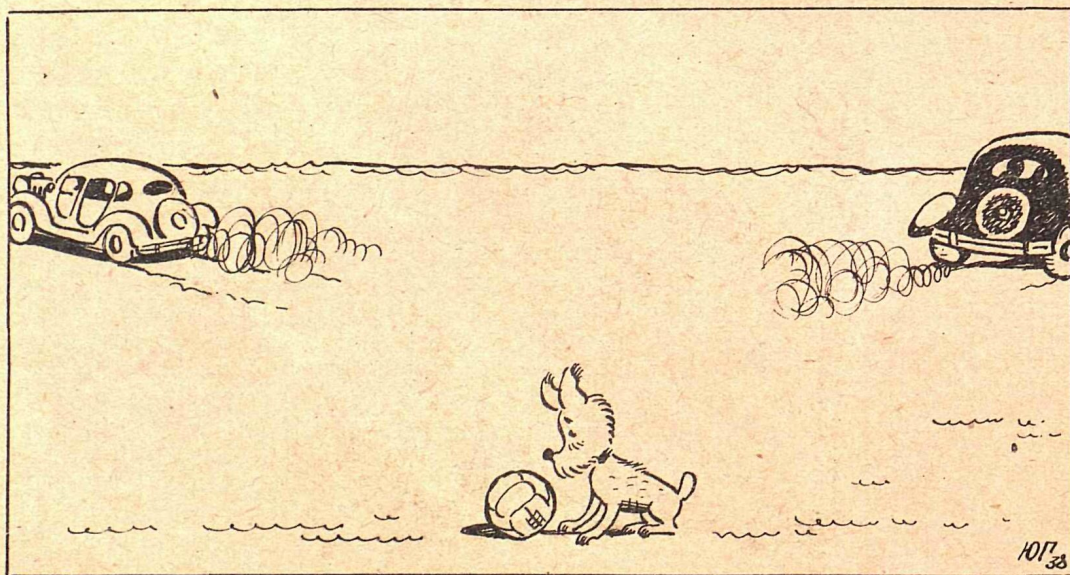
Молодой коллектив «Полосатая майка»
Отличался энергией, силой и спайкой.

Он в прошлом году, совершенно резонно,
Был признан ведущей командой сезона.

Но вскоре, узнав о блестящих победах,
Сманили защиту «Маяк» и «Торпеда».

А мощное общество «Бутцы трамвая»
Перекупило инсайда и края.

Молодой коллектив «Полосатая майка»,
Отличавшийся ранее силой и спайкой,

Поштучно раскуплен с аукциона,
И выглядит так он к началу сезона.

2 сентября

Ну, вот мы и студенты. Будущие журналисты, «молодая порось», как сказал мне вчера один товарищ из учебной части. Что ж, порось — так порось.

3 сентября

Вчера не успел записать, что с нами беседовал ректор. Говорил о задачах печати, назвал нас новыми кадрами, призывал настойчиво изучать технику газетной работы. Кстати, предупредил, что лекции по редактированию (узнать, что это такое) не будет. Не успели подобрать преподавателя. Ничего! Впереди — прорва времени. Вечером думал, как будет единственное число от «кадры».

10 октября

Редактирования до сих пор не было. Ищут преподавателя. Вчера на собрании председатель профкома призывал настойчиво изучать журналистику. Между прочим, он сказал: «Мы должны досконально изучить весь процесс — от правки (узнать, что такое) до макетирования (узнать, что такое) и верстки полос (узнать!).»

1 ноября

Не было. Ищут.

Сегодня, чтобы не пропадали часы, была физкультура. Бегали. Прыгали. Ровнялись. И на том спасибо!

10 ноября

Ищут.

1 декабря

Вчера спрашивал одну студентку, что такое подвал, гранка, верстатка. Молчит. Когда спросил про марзан и бабашки (это я в одном журнале вычитал), обиделась. Нельзя ли, говорит, не хамить. Странно!

2 декабря

Нарочно ходил в институтскую типографию узнать про марзаны. Сторож объяснил, что это такие металлические штучки. Говорит — ничего в этом зазорного нет. Чего же она обиделась?

10 декабря

Узнать, что такое «разбить на шпоны» (слышал от Метранпажа; странная фамилия!).

10 февраля

Вот и каникулы промелькнули...

По курсу истории дошли до Петра I, экономическую географию Запада изучили, за географию СССР принялись, а того преподавателя все ищут. С ног, говорят, сбились.

Посмотришь иной раз на карту — оторопь берет. Приедешь куда-нибудь на практику в Усть-Ижму или Кушку. Обрадуются: вот, мол, помощник новый... А помощник не знает, как помогать. Поди доказывай тогда, что ты «порось»!

1 марта

Ура! Завтра первое занятие в типографии. Тема — «Техника оформления газеты». Гип, гип!

2 марта

Оказывается, в Институте есть кафедра газетного дела. А при кафедре есть заведующий. Вчера он держал к нам речь. Сначала все было понятно, а потом

студента

нет. Завкафедрой сказал: «Законов оформления газеты, собственно говоря, не существует. Можно оформить так—и будет хорошо, а можно оформить не так—и тоже будет хорошо. Это, как у художников. Один рисует тушью и—похоже, а другой масляными красками и—опять похоже».

10 марта

Кажется, я поторопился кричать «Ура!» Сегодня, читая план занятий, увлекся арифметикой. Как ни считал, выходит, что ко дню отъезда на практику мы дойдем только до «уметь выключить строку». А что дальше делать с этой проклятой строчкой!

20 марта

Ничего нового.

9 апреля

Сегодня один аспирант два часа читал лекцию «Язык и стиль большевистской печати». Пытался законспектировать. Вот что у меня получилось: «Писать надо просто, прямо и красиво. Неграмотно, вычурно, некрасиво писать не надо. Язык газеты должен быть хорошим. Нехорошего языка читатель не простит. Чтобы хорошо писать, надо хорошо учиться. Надо овладеть культурой. Надо учиться у классиков. Надо... надо... надо...»

Ничего не скажешь, действительно надо.

15 апреля

Нынче другой товарищ вдруг прочитал лекцию «Рецензия в газете».

Кое-что узнал об опере вообще, о композиторе Хренникове в частности. Время от времени лектор кидался к пианино и играл. Потом, смущаясь, попросил разрешения спеть. Разрешили. Спел. Что касается голоса, то он у него неважный.

Конспектировать лекцию не пытался: не было нотной бумаги.

На шум прибежали перепуганные уборщицы. Узнав, в чем дело, несколько успокоились.

А практика, между прочим, на носу.

25 апреля

На курсе только и разговору, что о последней лекции. В основном все довольно. Гадают, какие темы будут освещены дальше: «Цирковое представление и газета» в сопровождении жонглеров и акробатов или «Происшествия в газете» с демонстрацией работы служебных собак.

А практика— между прочим...

На этом записки обрываются.

* * *

Этот дневник мы нашли под скамьей моторного трамвайного вагона № 8514 маршрута № 19. Предусмотрительный автор написал на обложке свой адрес: Москва, улица Кирова, 13, Всесоюзный коммунистический институт журналистики.

Дневник мы послали его владельцу.

Л. ШЕЙДИН

Рис. А. Каневского

ЕЩЕ В ГОРАХ НЕ СТАЯЛ СНЕГ...

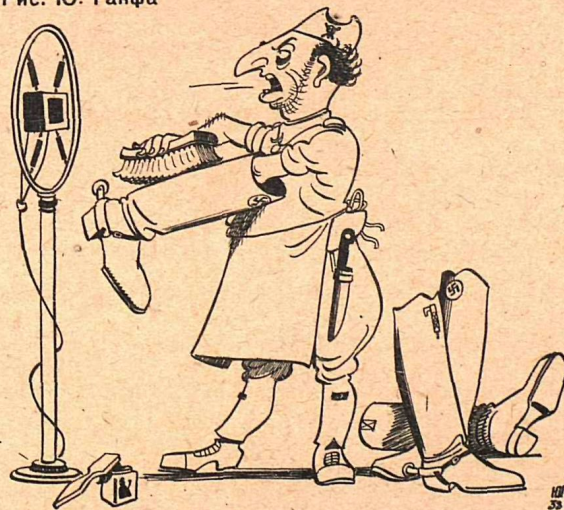
или

ПЕРВЫЕ ФОТОЛАСТОЧКИ

- Скорей снимайте!
- Хорошо вам там стоять! Попробуйте работать на таком холоде— пальцы окоченели.

ФРАНКО У МИКРОФОНА

Рис. Ю. Ганфа

— Господа, с Гитлером и Муссолини мы пришли к единодушному соглашению...

Рис. Л. Бродаты

ДЕТЯМ ЯСНО

— Папа, пойдем сегодня в цирк: там британскую политику показывают.

По первоисточнику

В красном уголке нашего дома собрались агитаторы. Намечался план агитационно-массовой работы в связи с выборами в Верховный Совет РСФСР.

Третьим оратором выступила Антонина Никитична Соколова из 16-й квартиры. Она сказала:

— Товарищи, исходя из опыта зимней избирательной кампании, я считаю необходимым предложить следующий, обдуманный мною способ разъяснительной работы среди домашних хозяек.

Вслед за этим она развернула интереснейшую программу индивидуальной и массовой агитации.

Репортер из газеты нагнулся к председательствовавшему представителю участковой комиссии и сказал:

— Замечательные мысли высказывает тов. Соколова. Какое тонкое знание психологии рядового слушателя кружка!

Председательствовавший хитро прищурился и ответил:

— Что же тут удивительного? Ей ли не знать запросы рядового члена кружка.

— Ну, конечно, — понимающе сказал репортер, — как это я раньше не догадался: товарищ Соколова руководила во время прошлой кампании таким кружком.

— Не руководила, а училась в кружке, — рассмеялся председатель. — Какой вы, право, непонятливый.

— Ну, конечно, — пробормотал репортер, — как это я раньше не догадался.

Наш дом дышал пеленками и щами,
Он был почти по окна в землю врыт...
И самые матерые мещане
Старели в нем
И плакали навзрыд
От желтой сплетни,
От семейной драки,
От горя обольщенных дочерей...
И на цепях сидящие собаки
От злости задыхались у дверей!

Кругом коты царапались и выли...
И, на коленях головы держа,
Хозяйки друг у друга вшей давили
При помощи столового ножа...

И голубыми
Солнечными днями,
Я не могу забыть об этих днях,
Мы певчих птиц ловили западнями,
И птицы умирали в западнях...

Мы хладнокровно сдерживали слезы;
Усопшим птицам делаем гробы...
И нам самим — рука туберкулеза
Ломала порвоночные столбы...

И каждый день одно и то же было:
Брекали псы, царапались коты,
И чучело руками разводило
Над грядками до самой темноты...

Как далеко ты, детство!
Голубое
Пространство между нами пролегло...
Тебя пугали черти за трубою,
Но ты тянулось всем чертям назло.
И вытянулось,
Тощее, как волос,
И сквозь болезни, клеюзы и чад
Пришло к тому, когда меняют голос
И пристальнее смотрят на девочек.

И я решил, что больше не желаю
Хрипящие ворота открывать...
Из тупиков прислушиваться к лаю
И падать на клопиную кровать...
Осточертел пудовый дух жилища,
Осточертел в углу сидящий бог...

И захотелось быть хотя бы нищим
И не иметь ни хлеба, ни сапог,
Но сухо поклониться домочадцам,
Сказать друзьям последнее прости...
И выйти, и назад не постучаться,
И ничего с собой не унести...

Уйти туда во что бы то ни стало,
Где дышат люди шире и полней...
И так желание это нарастало
И так влекло в течение многих дней,
Что я ушел...

Темнело... Моросило...
И плакало оконное стекло,
И чучело руками разводило
И ничего поделать не могло...

СЕРГЕЙ СМЕРНОВ

Судите сами

ВЕРНО — «ШУТКИ В СТОРОНУ»!

Под интригующим заголовком «Шутки в сторону» в газете «Халтуринская правда» 9 января 1938 года читатели прочли заметку о том, как в женской бане погасло электричество и как исправлять эту маленькую аварию туда явился электромонтер тов. Фоминых. И вот газета «советует женщинам, если Фоминых зайдет, устроить ему жаркую парку... обратным концом веника. Чем больше женщин примет участие, тем лучше получится парка».

Надеемся, что читатели устроят «жаркую парку» редактору «Халтуринской правды» на собрании в День печати 5 мая, когда он будет отчитываться перед ними о работе газеты. Нельзя пропагандировать хулиганство со страниц газеты!

НЕ В БРОВЬ, А В ГЛАЗ

Газета Больше-реченского района, Омской области, «Колхозный путь» в № 53(750) пишет:

«Вместе с этими большинство учителей абсолютно не участвуют в общественно-политической жизни.»

Наряду с этим нужно отметить грубейшим недостатком со стороны отдельных учителей по ликвидации неграмотности и малограмотности.»

В этой газете абсолютно права! В самом деле: «большинство учителей абсолютно не участвуют в общественно-политической жизни». Значит, времени свободного много. Зашли бы в редакцию «Колхозного пути» и помогли ликвидировать малограмотность редакционных работников.

НАЛЕТ ПЕСЕН НА ТАНЦУЮЩУЮ ЛОДКУ

— Скучно мы пишем, товарищи! — сказал тов. Батуров, редактор «Орджоникидзевградского рабочего» своим сотрудникам. — Почему я не вижу на страницах газеты интересных метафор, блестящих эпитетов, гипербола и синонимов, так сказать? Давайте, товарищи, перестроимся!

И перестроились. Первым это сделал М. Коновальчук. Случай представился скоро: ему поручили написать статью к 8-й годовщине со дня смерти В. В. Маяковского.

На утро читатели среди прочих метафор, эпитетов, синонимов и гипербола прочли в газете следующие строки:

«Словно волны морского прилива, налетали песни поэта на танцующую утлую лодку капитализма.»

О литературных критиках такого рода сам Маяковский говорил:

«...Есть не имеющие ничего, кроме красивого почерка. А лезут в книгу, хвалят и громя из пушки критического очерка.»

ЕЩЕ К ВОПРОСУ О КОТЕ

Неустанно заботясь о читателе, коми-пермяцкая окружная газета «По ленинскому пути» (№ 14/1632) сообщает дополнительные сведения из биографии И. А. Крылова:

«У великого русского баснописца Ивана Андреевича

Крылова содержался кот, который выпрашивал с'естное путем служения.»

Здорово? Подождите, еще не то будет!

«Подобно этому коту есть и люди.»

Кто же, кто?

Пожалуйста:

«...таким «котом» является заведующий отделом агитации пропаганды и печатью (?) окружкома ВКП(б) Васильев...» —

сообщает редакция потрясенному читателю.

«Это напоминает басню поэта XVIII века Дмитриева, когда вол возвращался с пашни, а у него на рогу сидела муха...» —

указано дальше в этой статье. Ее название — «Что ты посеял, то и жни».

Но что пожнет сама редакция, «сея» подобные статьи? Ох, богатый предстоит ей урожай! Прямо — кот наплакал!

ЯЗЫК БОЛТУНА

Газета «Сталинский путь», Никифоровского района, Тамбовской области, в рассуждении чего бы это напечатать позабавнее, тиснула маленький фельетон В. Коноплева, под заголовком: «Язык болтуна». Фельетон нехорошо отзывался о некоем замдиректоре Никифоровской МТС Ковалева.

Мы лишены возможности что-либо сказать об языке болтуна Ковалева, но вот касательно языка фельетона поговорить можем.

Пишет В. Коноплев так:

«Нужно вам знать, что память у нас, невозможно выразить, что за изменчива...»

...После сего последовало всеобщее любознание.

...язык у него слишком болтлив, и винтит он им на все стороны подобно маятнику.»

Эх-хе-хе, Коноплев! Вот уж, как говорится, с большого языка да на здоровый. «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться». «В чужом глазу соломинку заметил...»

Словом, В. Коноплева можно засыпать цитатами с головы до ног.

ПОЗВОЛЬТЕ ПОСПОРИТЬ О'ВКУСАХ!

Пермская городская газета «Звезда» (отв. редактор — Н. И. Жуков) напечатала в № 86 маленький фельетон «За одним за столом» (автор — Гамаюн).

«Теперь редко кто жалуется на судьбу, — говорится в фельетоне, — а если иногда и недоволен бывает, то уж во всяком случае не сравнивает свою жизнь с собачьей, так как прекрасно знает, что и собака занимает не последнее, а порой даже почетное место в героике наших дней.»

Так просто и написано: «Собака занимает... почетное место в героике наших дней».

Одно из двух: либо этот самый Гамаюн не понимает, что есть героика, либо он никогда не видал собак.

Но так как, с другой стороны, трудно вымыслить человека, который не видел бы этих популярных четвероногих, то вернее всего, что Гамаюн очень мало смыслит в героике.

А раз это так, то не надо было Гамаюну писать о героике и не надо было редактору Жукову печатать подобную чепуху. Теперь на редактора будут вешать всех собак. И это будет совершенно справедливо.

Наука и техника

Механическая установка «Бог на помощь»

Каждая профессия имеет свои трудности. Однако наиболее всего отпугивает людей редакторская работа.

Многие согласны заведывать баней или кинематографом — только бы их не послали в районную или другую местную газету.

Наша специальная научная комиссия ознакомилась со специфической работой редактора. Мы пришли к заключению, что страхи преувеличены и работа во многих районных газетах нетрудна и несложна. Клей и ножницы — вот что является единственной необходимостью.

Но, безусловно, и в этом деле царит еще кустарщина и любительщина. Это еще не приведено в систему, не рационализировано, не освещено научной мыслью.

В самом деле! Что вырезать, что клеить, что помещать, — это тоже может поставить в затруднение неопытного человека.

Наука, обсудив создавшееся положение, предлагает в редакторских кабинетах сделать следующие технические установки.

На рисунке наглядно видать, как и что.

Несложная работа редактора доведена теперь до простого движения левой ноги.

Редактор нажимает небольшую педаль. Система рычагов приводит в движение ножницы. Ножницы стригут газеты, поступающие из почтового ящика в специальный бак. Клей свободной струйкой течет куда ему надо. Все просто, безобидно и, главное, неутомительно.

При этом один редактор может обслужить не две и не три редакции, а бесчисленное множество — цель достигнута.

Наша научная комиссия обращается с просьбой к заинтересованным лицам потропиться с механическими установками.

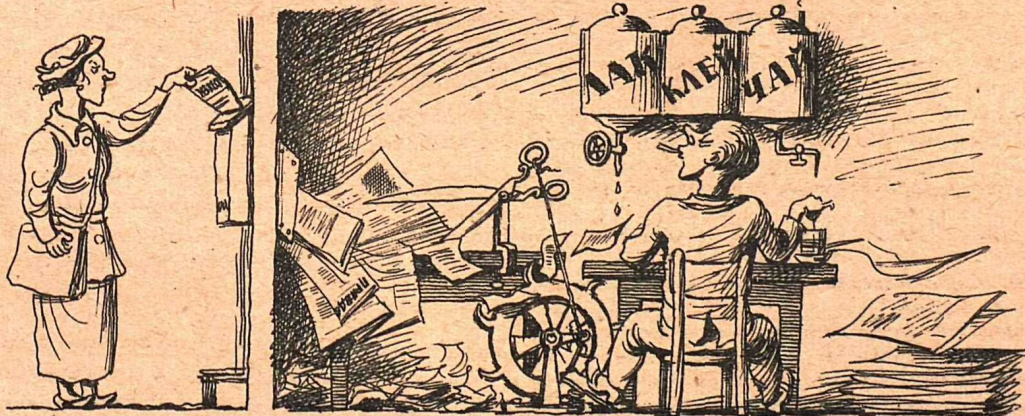

Рис. Н. Радлова

По поручению научной комиссии механическим приветом

Заслуж. деят. М. КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Моя дочь, Л. Чуковская, была случайно в редакции журнала «Октябрь» и забыла там по рассеянности составленный ею перечень стихов Маяковского.

Вот выдержки из списка:

«1919—23

Приказ по армии-искусств
Приказ № 2 по армии искусств

Ростинские стихи
150 миллионов (отрывок)
О дряни
Прозаседавшиеся
Весенний вопрос
Хорошее отношение к лошадям»

и т. д.

Заведующий отделом поэзии журнала «Октябрь» (то есть специалист по стихам!) прочел этот список заглавий и вообразил, будто перед ним стихи моей дочери.

На списке была наложена резолюция: «Бред! Ничего не понимаю» (подпись неразборчива). Затем любезная редакция переслала список моей дочери со следующим письмом:

«Уважаемый товарищ, по распоряжению зав. отд. поэзии возвращаем ваши стихи «Ранние стихи», не принятые к напечатанию в н/журнале».

Что можно еще прибавить к этому?

С приветом
К. ЧУКОВСКИЙ

Ленинград

Уважаемый Крокодил!

В нашем тире Харьковского тракторного завода практикуется, как и везде, стрельба по тарелочкам.

Но далеко не по всем тарелочкам, находящимся в помещении тира, можно стрелять.

Дело в том, что по левой стороне невзрачного помещения нашего тира расположен стол, на котором висит громада мисок и тарелок.

А на противоположной стороне тира находится отгороженное драпировками обитающее суровой и непреклонной владелицы вышеупомянутой посуды. Это местная, заводская уборщица, постоянно

проживающая в помещении тира и весьма неодобрительно относящаяся ко всякой стрельбе.

Все попытки заводского совета Осоавиахима форсировать (выражаясь военным языком) угол, занимаемый уборщицей, и выселить ее за пределы тира пока что неизменно кончаются позорной капитуляцией.

И. ДУМНИЦКАЯ

Харьков

Товарищ Крокодил!

Тебя, наверное, интересует, что нового в Борчало (Грузинская ССР) по части лягушек и пресмыкающихся.

Спешу ответить тебе на этот наболевший вопрос на основании официального документа — телеграммы Грузинского телеграфного агентства от 13 апреля, разосланной по всем газетам.

«Цветут колхозные сады, распустилась плакучая ива, повсюду зазеленела трава, проснулись от зимней спячки пресмыкающиеся, по вечерам квакают лягушки... Яровая пшеница и ячмень дали дружные всходы на всех участках. В колхозе имени III Интернационала появились всходы картофеля» и т. д.

С нетерпением жду дальнейшей информации Грузинского телеграфного агентства о пресмыкающихся и лягушках.

Как только ГТА будет рассылать газетам такие сведения, сообщу немедленно.

А. КОВАЛЕВ

Тбилиси

Дорогой Крокодил!

В Ленинграде, при областном издательстве, есть клишехранилище. В клишехранилище, среди прочих, покоится много старых, негодных клише. Вот в черной луже лежит луна, а на ней сидит пионер с зонтиком. Вот опять луна, а на ней лев, змея, мартышка и мышонок.

Рисунки, действительно, очень плохие: ни одна газета несогласна взять... Тут и является Д. Дижур!

Д. Дижур смотрит на рисунки и вдохновенно кропает «специальный текст». По качеству его стихи подстать иллюстрациям:

«Как так жить на луне.
Непонятно мне,
А вот люди говорят,
Что там много зверят.

Ветер зонтик надувает,
Выше, выше поднимает.
Ваня пить захотел.
Стоп! Луна! Прилетел!
На рожок луны уселся,
Важно огляделся...»

и т. п. и т. д., а всего полтора-два строк.

Смелое сочетание изобразительного искусства и поэзии кое на кого сразу производит неизгладимое впечатление. Вот Ф. Ф. Цабенко, редактор шлиссельбургского «Авангарда», в один из выходных дней поспешил порадовать читателей. Под откровенную халтуру Д. Дижура газетой отводится почти полстраницы!

Нехорошо. Читатели протестуют против таких «дижурных блюд» в газете!

Г. ДЕМБОВИЦКИЙ

Шлиссельбург

Дорогой Крокодил!

Мой сын учится в Орджоникидзевском техникуме советской торговли.

Наднях я получил из этого техникума отношение следующего содержания:

«Дирекция техникума советской торговли ставит вас в известность, что ваш сын за 3-ю четверть текущего учебного года имеет одну оценку «плохо» и 8 часов прогула, за что снят со стипендии. Просим вас принять соответствующие меры.

Директор техникума Н. Чикмарев. Заведующий учебной частью Н. Веретенников».

О каких это «соответствующих мерах» пишут руководители техникума?

Нето мне надлежит, во исполнение их просьбы, выпо-

роть моего сына, нето поставить его в угол, нето оставить без обеда.

Ни то, ни другое, ни третье нельзя применять не только к моему сыну 25 лет от роду, но и к малолетним школьникам.

Не кажется ли тебе, дорогой Крокодил, что было бы правильнее, если бы я написал товарищам Чекмареву и Веретенникову письмо с просьбой «принять соответствующие меры» для того, чтобы у моего сына не было в дальнейшем оценок «плохо». Так, кажется, было бы вернее.

А. ДУДЧЕНКО

город Орджоникидзе

Дорогой Крокодил!

Январские книжки специальных журналов, как правило, выходят весной. Читатель сидит в садику, где уже распускаются деревья и щебечут прилетевшие птички, и, содрогаясь, читает журнал, от которого несет холодом, как из погреба.

Со мной случилось еще хуже. Весной 1938 года (в апреле) я открыл только что вышедшую январскую книжку журнала «Советский хлопок» и с ужасом обнаружил в ней статью, написанную осенью 1937 года, в октябре. В этой статье я критиковал методы сбора хлопка в Темрюкском районе, основываясь на опыте прошлого, 1936 года.

Редакция «Советского хлопка», продержав мою статью 6 месяцев, освежила ее тем, что выбросила все конкретные факты и выводы. Получился прямой подлог: ведь читатель думает, что речь идет о прошлом, о 1937 годе.

Как автор и потребитель заявляю, что моя изуродованная статейка не является доброкачественной пищей для ума. Любой заведующий столовой в уголовном порядке ответит, если подсунет потребителю, скажем, тухлую котлету. Какую ответственность должна понести редакция «Советского хлопка» за аналогичный поступок?

М. ШАПИРО

г. Темрюк

Любовь и долг

Ромео и Джульетта, — прозвали их на пляже. А вообще его звали Петей, а ее — Галей. Она жила в далекой провинции, где заканчивала школу второй ступени. Петя работал в Москве, в редакции «Последних известий по радио».

Они провели в доме отдыха волшебный месяц. Каждый день заплывали вдвоем до горизонта. Танцевали. Вечерами сидели на скамейке, любуясь серебряной дорожкой луны. Они разъехались с чувством неясной и смутной тревоги, поклявшись писать друг другу.

Первого мая Галя приехала с мамой в Москву. Она не предупредила Петю: она решила устроить ему сюрприз. По заданию редакции, Петя в этот день должен был передавать по радио свои впечатления о празднике с одной из площадей Москвы. Микрофон был установлен на крыше трамвайной станции. Петя волновался: он впервые был назначен на такую ответственную передачу. Все станции страны будут передавать его слова. И, самое главное, в маленьком провинциальном городке его услышит далекая любимая Джульетта...

Он стоял у микрофона один. Галя первая увидела его. Она не понимала, зачем ему понадобилось забираться на крышу.

— Петя! — крикнула она, пылая от счастья.

Он оглянулся и посмотрел на нее странными, отвлеченными глазами.

— Петя!.. Ромео!.. Это я!..

Но Петя, махнув рукой, громко выкрикнул:

— В нашей стране нет места мелким чувствикам!.. Все дышат одним общим чувством и любовью к родине!

Галя виновато повернулась к маме.

— Он не узнал меня... Петя! — крикнула она.

— Вы посмотрите, что сейчас делается на площади! — указал рукою Петя. — Мимо меня проходят колонны физкультурниц! Какие стройные тела, какие светлые лица! Каждая из них может быть любимой!..

Галя оглянулась назад, сквозь слезы она увидела шагающую колонну работниц швейной фабрики.

— Петя!.. — закричала она с такой силой, что лошадь дежурного милиционера шаркнулась на тротуар.

Петя посмотрел вниз. Он узнал ее, сердце рванулось в его груди, но... он не мог остановиться.

Не выдержав, Галя бросилась к лестнице, ведущей на крышу:

— Петя! Ромео! Это я, твоя Джулия!.. Почему же ты так безучастно встречаешь меня?.. Объясни, я ничего не понимаю!

Увидев ее, Петя испуганно замахал руками и сердито показал милиционеру, чтобы он отогнал девушку от лестницы. С горестным изумлением Галя смотрела на него издали. Тогда Петя указал ей на репродуктор. Она рассмеялась. Он послал ей воздушный поцелуй.

— Я завтра уезжаю... Где мы встретимся?

Петя развел руками. Но тут Галю подхватила толпа и вместе с мамой потащила вниз по улице. Подавляя свое волнение, Петя смотрел в ту сторону, куда уносила яркая, поющая река его счастье, его любовь и нежность.

«Как же быть, как же быть?» — тревожно думал он, продолжая передачу. Неожиданно его голову осенила сверкающая мысль. И Петя передал в эфир:

— На праздник Мая в столицу съехалось много трудящихся и из других городов. Вместе с москвичами они шагают сейчас на Красную площадь. А вечером они будут гулять по ярко освещенным, нарядным улицам столицы. Они поедут в Парк культуры и отдыха и, усевшись где-нибудь на скамейке возле Зеленого театра, отдыхая, будут любоваться гранитной набережной красавицы реки!..

Шагая под руку с мамой, Галя вслушивалась в петин голос, усиленный радиорупорами. Сияя от счастья, она сообщила маме:

— Пообедаем, а вечером — в Парк культуры и отдыха. Мне ужасно как хочется посмотреть Зеленый театр... и гранитную набережную... — лукаво добавила она.

ИВАН РАХИЛЛО

«Кавказский пленник»

Трудно приходится скептику в балете. Приходит этот скучный человек в Большой театр, покупает программу и тут же выясняет, что придется взять напрокат бинокль. Слегка поворчав, скептик глядит в программу и произносит вслух:

«Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел...»

Правду сказать, в балете он третий раз в жизни, а Дидло он знает по кроссвордам: «известный балетмейстер девятнадцатого столетия». Но так уже полагается. Очупившись в балете, этот скучный человек изображает утомленного страстями и зрелищами философа Петрония (Петроний, по кроссвордам, — римский патриций времен Нерона).

— А вот я бы на «Дружбе», — говорит скептик соседу по креслу, — ничего себе, хотя, конечно, стишки... Кстати, почему у наших поэтов птичь фамилии: Гусев, Уткин, Соловьев, Жаров?.. Что? Жаров? Есть же Жар-птица! Так вот я вам хотел сказать о балете. Не ценю я этого зрелища. Ну посудите сами: ему, т. е. Габовичу или Мессереру, надо сказать ей, Семенов или Лепешинской, что он ее любит. И все ясно. Что же происходит в балете: он кавалер, а она прима-балерина. Он, понимаете ли, выпархивает с правой стороны, а она — с левой. Он протягивает руки, потом тянет их обратно, скрестив над грудью, обрешенной преградой, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Затем, покрутив правой рукой вокруг своего лица, делает умильную улыбку. Она в это время семенит на носках в другую сторону. Между тем он начинает подпрыгивать на месте и крутиться вокруг самого себя. Она тоже подпрыгивает, и он, подхватив ее на руки, смывается. А мы с вами хлопаем. Что это дает уму, сердцу? Не ошибусь, если скажу — ничего. Согласитесь с тем, что одними жестами или плясом ничего не скажешь. Е особенностями если вам надо подвести, так сказать, социальную базу под ваши глубоко интимные переживания.

Из того, что балерина закрыла личико вуалью и помахала ручками, вы должны понять, что она лебедь и собирается в лучший мир. Нет, знаете, балет не для солидных людей... И каждый раз я себе говорю: «Сегодня последний раз я в балете...»

В антракте «Кавказского пленника» мы увидели скептика в

буфете. Он пил чай и с рассеянным взглядом накладывал себе на тарелочку третье пирожное.

— Красиво, — задумчиво сказал он, — особенно эти тучки на фоне гор. Напоминает дом отдыха в Теберде. И вообще, знаете ли, я представляю себя в подобном положении. С одной стороны, долг службы, как-никак офицер-агрессор, а с другой стороны, такое стройное молодое существо — Боголюбская. Нет, все-таки в балете что-то есть...

В конце второго акта я посмотрел на скептика. Раскрыв рот, он глядел на памятник Петра за снежной завесой, на фигуриста-конкобежца — Мессерера.

— Ну-с? — спросил его сосед. Но скучный человек не ответил. Его тронули за рукав.

— Не мешайте! — прошипел он сердито. — Вы же в театре!..

Во втором антракте он уже не ходил в буфет. Он просидел весь антракт на своем месте.

— Порядочная скотина этот тип... — вслух подумал он.

— Вы про кого?

— Да про этого подлеца, книгоиздателя. Просто доносчик. Это кто, Булгарин, что ли?.. А Лепешинская хороша. Ну просто прелесть!

В третьем акте, когда упал занавес, невозможно было не заметить скептика. Он огулительно бил в ладоши и, распаренный и красный, орал:

— Лепешинская!.. Боголюбская!.. Габович!..

Мы увидели его еще раз в этот вечер. Он стоял в будке телефона-автомата и, держа рукой дверь, огулительно кричал в трубку:

— Прелесть! Я вам говорю: прелесть! Это же просто сон! А Лепешинская! А наводнение! А Боголюбская! А лошадь в первом акте! А водопад! Настоящая вода, как в Теберде! Я вам говорю: это сон! Необходимо организовать коллективное посещение! Ставьте на местком! Ручаюсь!

— Ну а как же все-таки «Кавказский пленник»? — спросит читатель. — Что вы скажете о «Балете в семи картинах с продолжением по поэме Пушкина, музыка Асафьева, композиция спектакля и постановка Р. В. Захарова, художник Вильямс», как сказано в программе?

И мы ответим:

— Это хорошо!

— Это трогательно!

— Это — настоящее искусство!

Л. НИКУЛИН

Редактор — Мих. КОЛЬЦОВ. Редакция: Л. ЛАГИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 398

Слача текста и рисунков 26/IV 1938 г.

Подп. к печати 28/IV 1938 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б-42357 Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1094. Тираж 275 000 экз.

45

Секрет. Индекс
 4 - МАЯ 1938
 Редакция газеты "Правда"

Генч 38

Рис. Л. Генча

АХ, ЭТИ ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА...
 — Милая Надя, я очарован вашими глазами.